

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 7

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 7

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 7 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор»,
2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Грач. Назад в 90е Том 7

Глава 1

— О чём ты хочешь поговорить? — Откинулся к спинке сиденья и следил за его отражением в стекле.

— О твоём будущем. Оно может быть очень комфортным, если ты перестанешь делать глупости. — Он нагнулся к оконной щели и постучал по крыше машины.

— А ты сперва дождись моего согласия, потом условия диктуй. — Поднял стекло ещё немного, оставив ему место только для ответа.

Дёмин кивнул и вернулся за руль. Развернул машину; свет скользнул по снегу и исчез за поворотом.

— Он знает, что мы в банке. — Гена выдохнул и включил передачу, когда фары погасли. Машина тронулась, на колее покачнувшись подвеска.

— Не знает. Но чувствует. Интуиция у него звериная. — Повернулся к Гене и потянул на себя ремень, освободив зажатый край пальто.

До конторы мы добрались глубокой ночью, когда у площади погасли последние торговые фонари. Зоя Ермолаевна сразу села за телефон. У неё были связи в областной администрации, люди из старой бухгалтерии, которые помнили, как вели дела в советское время, когда каждый документ имел двойную копию. Зоя по привычке называла их контору облисполкомом; вывеску сменили, а знакомые остались.

— Алло, Верочка? Это Зоя. Да, живой труп. Мне нужен архив. Второй экземпляр договора восемьдесят восьмого. Кооператив «Весна». ...Как? Уже искали? ...Кто? ...Нет, не говори фамилию. Просто скажи, где лежит. ...В резервном фонде? ...Давай завтра. Я пришлю человека. — Зоя прижала трубку плечом, крутила карандаш.

— Резервный фонд. Туда Дёмин не дотянулся. Там хранят копии для страховых случаев. Если оригинал украли или потеряли, там есть дубль. — Она положила трубку и посмотрела на меня.

— Кто туда пускает? — Подошёл к столу и наклонился над записанным адресом.

— Только по предписанию. Или по знакомству. Верочка обещала помочь. Но нужен повод. — Зоя переложила записанный адрес в блокнот и прижала его карандашом.

— Повод найдём. Иди спать. Завтра день будет долгий. — Прикрыл ладонью рычаг телефона и отодвинул аппарат к стене.

Зоя записала условия доступа к резервной копии и отправила запрос наутро. Гена отвёз её домой, а я остался ждать банковского сопоставления: теперь у каждой подозрительной даты должно было появиться своё подтверждение.

Следующие два дня я дремал на конторском диване, просыпаясь от каждого звонка. От крепкого чая щипало язык, но бутерброды всухомятку застревали: приходилось снова тянуться к стакану. Зоя составляла таблицы платежей и событий за соседним столом; когда я засыпал, карандаш шуршал по бумаге. Гена возил запросы в банки и архивы, а между поездками проверял людей, способных вывести нас на свидетеля.

На второе утро Зоя принесла папку. На лестнице она ещё улыбалась, но у стола сжала губы и достала платок, хотя очки были чистыми.

— Нашли второй экземпляр, держи договор. — Она бросила папку на стол и сняла очки.

Я раскрыл папку на пожелтевших листах. Текст вывели от руки, тем аккуратным почерком, который требовали от советских делопроизводителей. На последней странице расписались прежний директор и представитель поставщика. Я проверил обе фамилии, затем пере-

вернул первый лист к свету: пятнадцатое июня восемьдесят девятого. В иске тот же договор был датирован годом раньше.

Зоя положила рядом копию, приложенную к иску, и доверенность Вадика. У истца вместо подписи поставщика красовался росчерк Лисовского. На доверенности буква «Л» уходила крючком вниз; на спорном листе крючок обрывался. Под придвинутой лампой у росчерка проступил наведённый контур, а в цифре года читалось исправление.

— Вот тебе и восемьдесят восьмой, — я совместил верхние края листов и указал на дату. — Они отодвинули сделку за регистрацию кооператива. Теперь понятно, откуда взялось их прежнее право на склад.

— В суд пойдёт заверенная копия из архива, — Зоя убрала доверенность в уголок и подписала закладку. — Сам экземпляр остаётся у хранителя. Потребуем его истребовать и назначить экспертизу. Нашего глаза для вывода о подделке мало.

— А до суда? — я вернул лампу на край столешницы и подвинул ей бумаги.

— Получим консультацию почерковеда. Чтобы поставить вопросы эксперту, — она собрала оба изображения подписи и скрепила их. — Знакомый специалист посмотрит. Он нам со школьными тетрадями помогал, помнишь?

Я улыбнулся, вспомнив, сколько связей у Зои сохранилось после школьных тетрадей. Каждая старая услуга у неё рано или поздно возвращалась к делу.

Пока мы обсуждали детали, в дверь постучали. Вошёл Щербаков, запыхавшийся, с конвертом в руке.

— Адрес Быка. Не овощехранилище. Он съехал. Живёт в угловой комнате у матери жены, на окраине. Машину Дёмина видели там же вчера вечером. — Щербаков положил принесённый конверт на стол и придвинул его ко мне.

— Он готовит свидетеля. Дёмин не хочет ждать суда. Он хочет купить решение заранее. — Встал и вынул записку из принесённого конверта.

— Что делаем? — Гена придвинулся к столу и потянулся за конвертом.

— Ничего. Мы ждём. У нас есть оружие. Нам нужно только правильно выбрать момент для выстрела. — Накрыл папку ладонью и отодвинул её от края.

К вечеру я остался в кабинете с архивной копией. Ветер вдавливал снег в щели рамы; на подоконнике белела узкая полоска. Я подтащил лампу и сверил номер дела на заверительной отметке, затем проверил последнюю страницу. Столько людей ждали, удастся ли нам открыть склады после суда, а решалось всё сейчас здесь, возле Зоиногo аккуратного росчерка на закладке.

Вечером предстояла встреча с Дёминым: через Гену я перенёс её, пока Зоя искала архивную копию. Пусть увидит усталого человека, которому страшно потерять склады. Если удастся разговорить его, он сам объяснит, ради чего затеял иск.

На верхнем листе читалась архивная отметка; вот её-то Дёмин в моём портфеле и не увидит.

Я закрыл папку, положил её в сейф и повернул ключ. Замок щёлкнул сухо, и ладонь почувствовала этот щелчок до самого запястья.

Перед выходом я потянул дверцу сейфа на себя. Договор лежал под замком; в гостиницу я понесу папку, содержимое которой Дёмину останется только угадывать.

Дверь номера открыл Дёмин, едва я поднял руку для стука. Он стоял сбоку, придерживая ручку, и успел окинуть меня взглядом до того, как я переступил порог. Пальто, руки, папка; на папке задержался дольше.

Из номера потянуло коньяком и «Кентом». У двери лежало казённое полотенце, поджатое под щель, чтобы дым оставался внутри; я переступил через него и закрыл дверь. Дёмин уже отошёл к окну. Свет падал ему на плечи, лицо оставалось в тени. Пришлось пройти по ковру

почти до середины комнаты, прежде чем он соизволил повернуться. Ну давай, показывай, кто здесь хозяин. Я остановился там, где сам мог следить и за ним, и за дверью.

— Вырос, Грач. Совсем взрослый мужик. А помнишь, как ты тогда... ну, ладно. Прошное не вернуть. — Дёмин повернулся и поправил на плече шов пиджака.

Он сделал шаг навстречу, протягивая руку. Я пожал её холодно, коротко. Кожа у него была влажной.

— Садись. Коньяк? Или кофе? Кофе здесь гадкий, из порошка. Лучше коньяк. У меня настоящий армянский. Универмаговский «Ереванский» рядом с ним пойло. — Дёмин указал на кресло, сам потянулся к графину.

Папку я устроил на свободном стуле у двери, сам остался рядом. Зоя набила её пустыми бланками исков и листами для протокола; край картона приятно оттягивал пальцы, зато внутри белело одно бумажное хозяйство. Перед выходом она сама затынула тесёмки. «Пусть погадает, что ты принёс, Даня. Очень полезное занятие для юриста». Теперь Дёмин мог либо предложить открыть папку, либо продолжать делать вид, что ему всё равно. Пока он наливал коньяк.

Дёмин плеснул коньяк в два стакана и протянул один мне; пришлось поднять ладонь, оставив угощение на его половине комнаты.

— Отказываешься? Правильно. Алкоголь притупляет внимание. А нам нужно быть внимательными. Особенно тебе. — Он пожал плечами, выпил сам.

На столе у окна были разложены рабочие материалы. В верхнем листе я узнал фамилию Лисовского: Вадик, похоже, оставил здесь очередную подпись. После краха своих махинаций он вцепился в Дёмина обеими руками. А Дёмин тем временем подсовывал ему бумаги, которые в суде придётся признавать своими.

— Я слышал про твои успехи на ярмарке. Римма довольна. Каленик молчит. Пул держится. Молодец. Ты научился играть по правилам. — Дёмин опустился в кресло и расставил ноги, заняв проход к столу.

— Правила меняются, Роман Валентинович. Те, кто пишет правила сегодня, завтра становятся историей. — Остался стоять, положив руку на спинку стула.

— История? Нет, Данила, — Дёмин провёл пальцем по стопке у окна и вытянул верхний лист. — История — это то, что осталось на бумаге. А бумагу пишем мы. Точнее, те, у кого есть право подписи. У тебя его нет. У Вадика есть договоры лета восемьдесят восьмого. Реальные, живые, заверенные печатью несуществующей конторы, но действующие через принцип правопреемства. Понимаешь разницу?

В его иске настоящие контракты были сцеплены со спорным листом так, чтобы я оспаривал всё разом. Стоило увлечься, и пришлось бы самому объяснять происхождение наших документов. А пока мы спорим, он попросит обеспечить иск, остановит поставки. Я представил Римму у пустого склада, с тем же белым лицом, с которым она пришла к исполнителю. Полгода такой торговли хватит, чтобы пул разбежался, а Каленик первым объявил, что всегда знал, чем закончится затея Грача.

— Ты хочешь мировую. — Придвинул стул носком ботинка и перегородил ему путь к моей папке.

— Хочу покоя. До весны. Ты отдаёшь имущество «Весны» обратно фонду. То есть мне. Ты получаешь тишину. Суды и проверки закроем. Вопросы о том, почему твой кооператив платит налоги меньше, чем должен, тоже снимем. Мы расходимся как партнёры. Ты остаёшься своим на районе, я беру крупную рыбу. Справедливо? — Дёмин покрутил стакан, разгоняя по стенкам остатки коньяка.

— Несправедливо. «Весна» уже перерегистрирована на универмаг. Имущество в пуле. Чтобы забрать его, вам нужно сначала выиграть процесс. А процессы, как ты знаешь, иногда идут долго. Иногда они заканчиваются ничем. — Положил папку на стол, не выпуская из рук.

— Иногда они заканчиваются плачевно для тех, кто недооценивает противника. Я не прошу, Грач. Я предупреждаю. У меня есть свидетели. Есть документы. Есть связь с областью. Твой патрон, майор Костин, не сможет защитить тебя от решения арбитражного суда. Закон выше погон. — Дёмин поставил стакан на стол, наклонился вперёд. Голос его стал ниже, вибрирующим басом.

На фамилии Костина я задержал вдох. Значит, и до него добрался. Дёмин наблюдал за мной поверх стакана, дожидаясь, начну ли я перечислять знакомых майоров. В этом номере чужое звание прозвучало бы очень жалко. Сжал спинку стула и перевёл взгляд на его руку.

— Сколько ты уже потратил на этот процесс? — Проследил, как он переставляет стакан на край подставки.

— Ты о чём сейчас, Данила? — Дёмин моргнул и переставил стакан, освобождая руку.

— На юристов, на подачу иска, на подготовку документов. Это недёшево, Роман Валентинович. Ты уволен Лабазовым. У тебя нет московских связей, кроме старых должников. Ты играешь ва-банк. На что? На то, что Вадика сломает страх, а пул разбежится от скуки? — Обошёл спинку стула, удерживая его взгляд на себе.

— Ты слишком много знаешь, Данила. Это плохо для здоровья. — Дёмин выпрямился и стиснул ладонью подлокотник.

— Знаю достаточно, чтобы понять: ты боишься. Ты не можешь позволить себе затянуть дело. Тебе нужны быстрые деньги. Быстрые решения. Поэтому ты идёшь на мировую. Сразу. Без суда. Почему? — Шагнул ближе и подвинул стул между нами.

Дёмин торопился закончить всё до суда: тот мог добраться до протокола №14 и затребовать документы по «Весне»-фантому. Стоило рядом с его листом положить архивный экземпляр, и отвечать на вопросы пришлось бы уже ему. Свою папку он держал открытой, мою всё время старался оставить краем глаза. Отвёл пальцы от тесёмок, давая ему ещё немного помучиться.

— Я не боюсь. Я экономлю время, а время — деньги, — Дёмин одёрнул пиджак и подвинул стакан между нами. — А ты, насколько я понимаю, человек занятой. Логистика, склад, охрана. Тебе некогда ходить по инстанциям. Так что решай. До утра. К восьми часам я жду ответа. Да — и мы пьём этот коньяк вместе, празднуя новый порядок. Нет — и я приду к тебе в зал заседаний с мешком улик, который ты даже не откроешь.

Дёмин встал и положил ладонь на спинку моего стула. Ещё чуть-чуть, и ему пришлось бы самому подать мне папку. Я выдержал паузу, позволяя ему постоять.

— Мне нужна ночь. На подумать. — Забрал со стола свою папку и отвёл стул от прохода.

— Хорошо. Но не тяни. Утро наступит быстро. — Дёмин отодвинулся от стула и указал на дверь.

Перехватил папку под мышку и задержался у двери, словно собирался что-то попросить. Он приподнял брови, дожидаясь просьбы. Пусть ждёт моего звонка до восьми, сидит рядом с коньяком и проверяет часы. У меня на эту ночь уже нашлось дело.

В коридоре я прошёл мимо лестницы и лишь у дальнего окна позволил себе улыбнуться. Восемь утра он сам и назвал. Деньги нужны настолько срочно, что он согласился торговаться ещё до заседания. Потянул узел галстука, вдохнул прохладный воздух от рамы и вернулся к лестнице. В машине запишу его слова дословно, пока помню.

Улица встретила метелью; крупные хлопья оседали на капоте моей «Волги», стирая следы от щётки. Щербаков сидел за рулём, курил, выпуская дым в форточку.

— Ну как? — Щербаков прикрыл форточку и повернулся ко мне.

— Ничего нового. Старая песня. «Давай по-мирному». Завтра в восемь сверим бумаги с Зоей. До заседания ещё успеем проверить свидетеля. — Снял пальто, стряхивая снег.

— Он серьёзный, Даня. Я таких видел. Они не блефуют. — Щербаков повернул голову ко мне и прижал ладонью форточку от сквозняка.

— Именно поэтому я и еду домой. Не спать. Работать. — Раскрыл блокнот и поискал во внутреннем кармане карандаш.

Когда машина тронулась, я пристроил раскрытый блокнот на колене и вытащил карандаш. Пришлось ловить свет фонарей, чтобы записать срок и предложение о складе. Рядом оставил место для свидетеля: здесь Дёмин похвастался слишком рано.

«У меня есть свидетели». Подчеркнул последнее слово. Из людей той поставки пропал со смен Бык, с его номерным жетоном; банковский платёж уже вывел нас на его родню. До гостиницы я мог только сопоставлять адреса. Теперь очень хотелось увидеть самого Рому и узнать, за что именно ему заплатили.

Рома Быков работал грузчиком на овощехранилище. После истории с ящиком и клеймом я оставил ему жизнь и работу. Он успел пожить спокойно и снова полез в ту же историю, теперь за деньги Дёмина.

В ладони размок угол блокнота, и я переложил его на другую руку. «Консультационные услуги» стояли в выписке, которую Дёмин у нас ещё не видел. Если Рома уже подписал показания, на заседании ему придётся повторить их перед судьёй. До утра он оставался один с деньгами и обещаниями юриста.

Я вернулся к назначению платежа, которое Зоя выписала на отдельный лист. Деньги ушли, оставалось узнать, что Рома обещал взамен. Гульнев помог получить выписку; теперь сам свидетель должен объяснить, за какие консультации его брат получил такую сумму.

Карандаш сломался у самого грифеля. Спрятал обломок в карман и показал Гене на поворот. До утра ещё можно было поговорить с Ромой, прежде чем Дёмин снова до него доберётся.

— Геннадий Степанович. Нам не домой. Едем на площадь. К Бугаю. — Постучал блокнотом по колену и показал через стекло направление.

— К Бугаю? Сейчас? Он же дежурит на складе. — Щербаков повернулся, брови поднялись.

— Именно туда и едем. Мне нужно знать, где Бык. — Сложил записи и устроил их под ремнём на коленях.

Гена прибавил газу; на повороте колёса забуксовали в свежем снегу. Я упёрся ладонью в приборную доску и придержал блокнот коленями. Сна уже хватило на весь оставшийся день. Пока Дёмин ждал, когда я созрею для сдачи склада, мы могли съездить к его свидетелю и вернуться.

Гена свернул к овощехранилищу. У ворот мы оставили машину, папку с пустыми бланками я спрятал под сиденье. С Бугаем собирался говорить о человеке; гостиничный блеф пока придержу.

Овощехранилище встретило нас гулом холодильных установок и запахом мокрой земли. Фонари горели тускло, отбрасывая жёлтые круги на бетонный пол склада. Бугай сидел в каморке охраны, греясь над примусом. Увидев меня, он поднялся, тяжело опираясь на здоровую руку. На голове от повязки осталась светлая полоса; руку он по привычке берёт.

— Даня? Час ночи. Что случилось? Обвал? — Бугай хмыкнул и подвинул мне место на лавке здоровой рукой.

— Хуже, Толик. Война. — Сел на лавку, потряхнул снег.

Я рассказал про иск и предложенную мировую, затем повторил слова Дёмина о свидетеле. Бугай слушал, держа стакан за ободок; у примуса обжигало пальцы, и он то и дело перехватывал их повыше.

— Бык ушёл. — Бугай поставил стакан на край стола и откинулся от жара.

— Как ушёл? Он же не числится на охране. Он грузчик. — Наклонился к нему и отодвинул край мокрого пальто от примуса.

— Перестал выходить. Третий день. Машка спрашивала, где его смена. Говорят, заболел. Но Машка видела его вчера вечером у вокзала. Не одного. С каким-то типом в дорогом пальто. — Бугай потёр след от повязки и подвинул стакан от края.

Я представил гостиничный вход и пальто Дёмина на плечиках у двери. Машка могла видеть именно его; стоило проверить время.

— Где он живёт? — Достал блокнот и расправил отсыревший угол страницы.

— Раньше он снимал комнату у тёти Веры на углу улицы Ленина и переулка Садового. Но потом съехал. Говорил, что нашёл квартиру получше. — Бугай потёр щетину и уставился на мой раскрытый блокнот.

— А точнее адрес подскажешь? — Открыл чистую страницу и ждал, пока Бугай вспомнит номер дома.

— Примерно. Тётя Вера всё ещё сдаёт комнаты студентам и временщикам. Если Бык там, она знает. — Бугай потянул к себе чай и подул на край стакана.

— Едем к тёте Вере. — Поднялся с лавки и подхватил её, едва та качнулась подо мной.

— Даня, ночь на дворе. Она никого не впустит. — Бугай развёл руками и потеснился, освобождая мне проход.

— Впустит. Если попросит Грач. — Застегнул куртку и взялся за ручку двери каморки.

Мы вышли на мороз. Снег шёл плотнее, заметая следы. Мы вернулись в контору: на окраинном адресе Быка могли уже не застать. С рабочего телефона я набрал Кузю.

— Сплю я, Дань. Что такое? Опять иск? — Кузя зевнул в трубку; под ним заскрипела кровать.

— Нужен адрес Быка. Быка Ромы. Тот, что грузчиком работал. — Прижал трубку к уху, глядя на снег.

— Бык? А чего ему надо? Он же... ну, ты знаешь. Предатель. — Кузя засопел, и в трубке зашуршало одеяло.

— Знаю. Но сейчас он нужен мне живым и говорящим. Найди адрес. Через своих бабок. Кто сдаёт комнаты на углу Ленина и Садового. — Прикрыл микрофон ладонью и понизил голос, чтобы дежурный за дверью не слушал.

— Ладно. Попробую. Но не гарантирую. Бабушки эти... хитрые. — Кузя сел; кровать ещё раз жалобно скрипнула.

— Гарантирую тебе бутылку хорошего портвейна, если найдёшь за час. — Усмехнулся и придвинул аппарат к краю, разматывая шнур.

— Портвейн? Тогда жди. Будет адрес через двадцать минут. — Кузя откашлялся и заговорил громче, окончательно проснувшись.

В конторе я усадил Гену ближе к печке, сам остался у телефона. За окном снег залепил ветровое стекло нашей машины; скоро опять придётся счищать. Рома мог уже собрать сумку и уехать на вокзал. Я проверил часы, отсчитал обещанный Кузей срок и заставил себя подождать ещё.

Через полчаса Кузя перезвонил и с ходу заговорил так громко, что я отодвинул аппарат от печки, к столу.

— Нашёл! На окраине Быка уже нет. Тётя Вера подтвердила: он вернулся к ней. Комната в конце коридора, второй этаж. Окна во двор. Говорит, третий день не выходит, ест только то, что она приносит. И... — Кузя прикрыл трубку; рядом у него кто-то закашлялся. — Говорит, он совершенно трезвый. Деньги пересчитывает, всё время одни и те же пачки.

Я раскрыл блокнот на фамилии Быкова и удержал страницу ладонью. С деньгами, трезвый, сидит в комнате третий день. Уйти на заработки успел бы; пропить тоже. Значит, ждёт, пока его вызовут, и боится потратить даже малую часть полученного.

— Диктуй поточнее, куда нам ехать. — Подтянул блокнот к лампе и поднёс грифель к чистой строке.

Кузя продиктовал номер старого дома у парка, на углу Ленина и Садового. Повторил вслух, чтобы Гена запомнил. За углом там располагался чёрный ход; через него можно было войти, оставив хозяйку спать до утра.

— Едем. Медленно. Без сирен. — Спрятал записи за пазуху и поднялся от телефона.

Машина скользила по обледенелой колее. Сначала следовало узнать, чего от Быка требуют. За его брата пока говорил только банковский лист; самого Рому надо было выслушать, прежде чем тащить к Гридасову.

У дома я оставил Щербакова за рулём и пошёл к чёрному ходу. Над забором торчали обломки проволоки; пришлось перехватиться за кирпичный столб и перенести ноги через самый низкий участок. Полу куртки зацепило, я потянул ткань обратно и тихо спрыгнул во двор. Старое умение лазить по чужим заборам пригодилось в весьма солидном возрасте.

Я поднялся по пожарной лестнице к двери второго этажа. Под снегом скрипнул металл, и пришлось остановиться, прислушаться к коридору. За дальней дверью светился порог; туда я и пошёл, держась поближе к стене.

После первого стука я подождал, затем повторил громче. За дверью заскребли ножки стула, и кто-то прошаркал по полу к замку.

— Ты... ты не можешь... — Бык упёрся плечом в дверь и натянул цепочку между нами.

— Могу, Рома. Открой дверь. — Положил ладонь на косяк и наклонился к щели.

Бык держал дверь на цепочке, глядя на мою ладонь у косяка. Я убрал её и отступил на полшага. Только тогда он сдёрнул цепочку и открыл мне проход.

В комнате я задержал дыхание: в табачном дыму висела кислая вонь несвежего белья. На столе лежали пачки новых купюр, рядом торчал раскрытый конверт. Бык оглянулся на деньги и заслонил их боком, пропуская меня к стулу.

— Сядь на кровать, поговорим спокойно. — Подвинул к кровати стул и сбросил с сиденья скомканную куртку на спинку.

Бык опустил на край кровати и стиснул дрожащие пальцы между коленями.

— Дёмин приходил? — Сел на стул, поставил локти на колени.

Глава 2

— Нет... он звонил... говорил, что всё решено... что мне заплатили за молчание... за то, чтобы я сказал, что видел, как ты передавал товар... — Бык теребил край одеяла, вытягивая нитку из подрубленного шва.

— Что ты скажешь на заседании? — Перестал устраиваться на стуле и проследил за ниткой у него между пальцами.

— Я... я не знаю. Они сказали, если я не скажу, они меня убьют. Если скажу... — Бык замолчал. Он смотрел на свои руки, сжимающиеся в кулаки.

Стул пришлось подвинуть поближе, чтобы Рома слышал меня сквозь собственное сиплое дыхание.

— Если соврёшь, будешь зависеть от них после каждого слова. Давай лучше разберёмся, что ты действительно видел, — я отодвинул деньги от края и освободил угол стола.

— Что ты хочешь? — Бык поднял на меня глаза и отпустил смятый край одеяла.

— Я хочу, чтобы ты жил, Рома, — достал из кармана листок и ручку, положил на свободный угол стола. — Запиши, кто приходил, чего требовал и за что обещал деньги. Отдельно — что ты видел сам. Заявление о давлении отдадим Гридасову. Показания в суде дашь лично.

— Они не примут... — Бык покосился на дверь и подтянул одеяло на колени.

— Примут. Суд любит осторожных свидетелей. А если ты напишешь это сейчас, и я отвезу это в милицию Гридасову... у области появится свой интерес беречь свидетелей против Дёмина. Понимаешь? Гридасов не даст Дёмину тебя тронуть. Потому что ты станешь важным источником информации о фонде. — Положил ручку поверх листка и повернул её концом к Роме.

Бык задержал на мне взгляд, затем потянулся к ручке и снял колпачок зубами.

Рома писал медленно, останавливая дрожавшую руку второй ладонью. Я читал через его плечо. Он назвал Дёмина, записал условие платежа и угрозы, затем сам зачеркнул слишком широкую фразу о поставках и перечислил, какие действительно видел. К тем, на которых отсутствовал, пришлось вернуться отдельно.

— Иди спать, Рома. К заседанию за тобой приедут. Деньги оставь отдельно, до описи. Гридасову придётся показать всё, включая конверт. За безопасность будем говорить с ним сегодня. — Когда он закончил, я сложил листок и положил в карман.

Бык кивнул и отвернулся к стене, вжимая голову в плечи. Пока я убирал заявление, он так и остался сидеть, придавив ладонями край одеяла.

В коридоре проверил карман с заявлением и застегнул куртку. Придержал через ткань бумагу, согнувшуюся у груди. До суда Рому нужно было сохранить в живых и довезти до зала; зато теперь имелось с чем обращаться к Гридасову.

Спустился по лестнице. Щербаков ждал в машине.

— Ну что, поговорил с ним? — Щербаков стряхнул пепел и приоткрыл пассажирскую дверцу изнутри.

— Написал, кто заплатил и чем угрожали. Теперь вези к майору. — Сел в машину, захлопнул дверь.

— И что дальше? — Щербаков повернул ключ и убрал ногу со сцепления.

— Дальше, Гена, довезёшь заявление Гридасову. Я останусь у телефона Зои. Встречный иск у нас уже написан, теперь надо уберечь свидетеля. — Опустил стекло и проверил окно Быка: свет горел.

Гена тронул машину с места. Я смотрел на занесённую снегом улицу и диктовал ему, что передать Гридасову в первую очередь. Когда дошёл до угроз, он перебил, попросил повторить имя и только после этого прибавил газу.

Через час я вернулся к Быку: Зоя сверила получателя с его двоюродным братом, а Гридасов просил уточнить угрозы лично. Заявление лежало у майора; показания Роме всё равно предстояло дать самому.

За час комната успела пропитаться «Примой» насквозь. Остановился у порога: после уличного света с трудом различал мебель. Под абажуром из старой газеты желтела лампочка, возле миски лежала рассыпанная мелочь. Подождал, пока Бык передвинет её на освещённый край, и вошёл, стараясь оставить между нами весь стол.

Бык сгорбился над цветастой скатертью. Его ладони закрывали почти всю миску; большой палец разглаживал одну купюру, затем следующую, потом он собирал их в стопку и опять рассыпал. По комнате шуршала бумага. Я дождался, пока Рома освободит хотя бы угол стола, и подтащил туда стул.

— Пришёл добить? — Бык сгреб мелочь к краю миски и повернул её на скатерти.

Я вернулся к двери и придержал её, пока Бык задвигал цепочку. На щелчок он обернулся так резко, что задел локтем куртку на спинке стула. Пальцы уже легли на край её кармана. Я показал ему раскрытые ладони; Рома отпустил куртку, вернулся за стол.

— Я ещё про угрозы уточню, Рома, — придвинул стул и сел напротив него. Ножи закрипели по полу. Колени почти касались его коленей. Ближе, чем нужно для разговора, ближе, чем нужно для безопасности. Но мне нужна была эта близость. Чтобы он видел мои руки. Чтобы чувствовал, что я не тянусь за оружием.

При истории с ящиком и клеймом Рома следил за моим лицом, ждал, когда разозлюсь. Сейчас смотрел ниже, на пальцы. Стоило мне потянуться к стулу, он втянул голову в плечи. Щетина отросла клочьями; под глазами проступили тёмные круги. Вот и вся цена конверта пока: три дня в комнате, где любой посетитель кажется последним.

— Ты не из тех, кто прощает. Ты из тех, кто записывает имена в тетрадь. Я слышал. — Он облизнул сухие губы и сбил мелочь с края миски.

— Слышал много. Только не понял главного. — Отодвинул от своего локтя край скатерти, под которым запуталась мелочь.

— Чего я, по-твоему, не понял? — Бык поднял глаза и опустил локти на колени.

— Ты уже написал заявление. Теперь придётся самому решить, будешь ли его повторять перед судьёй. — Убрал руки с края стола, давая ему место.

— Мне заплатили. Дёмин дал, очень понятливый человек, — Бык потянул купюру из-под стопки и надорвал посередине. — За молчание дал. По понятиям, Грач: заплатили — молчу. Это святое. Если я буду говорить, нарушу слово. А слово для такого, как я...

— ...слово у меня одно и осталось, — он свёл края надорванной купюры и прижал к скатерти. — После того как ты оставил мне жизнь вместо того, чтобы свернуть шею.

Он всё ещё разглаживал порванную сотню. Положил ладони на колени и дал ему закончить. Рома покосился на мой карман, потом на миску; похоже, прикидывал, сколько я предложу поверх Дёмина. Полученное заявление он успел пожалеть. Теперь требовалось удержать его от следующей сделки, в которой он продаст собственные показания ещё раз.

— Сколько он тебе дал, Рома? — Наклонился к миске и придержал её за край.

— Это не твоё дело. — Бык напряг шею и прикрыл ладонью деньги.

— Это моё дело, Рома. Потому что за эти деньги тебя и убьют. — Кивнул на миску и наклонился к нему.

— Хватит! Ты пришёл угрожать? Ну давай, грози. Скажи, что найдут тебя. Скажи, что Костин прикроет. Я знаю, как работают ваши игры. Вы все друг друга прикрываете. А мы... мы расходный материал. Меня используют, чтобы убрать тебя, а потом убирают меня, чтобы не болтал. Так всегда бывает. — Бык резко оттолкнул стул назад, чуть не упав.

— Сядь. И послушай. За твою безопасность отвечаем все: и Гридасов, и та милиция под окном. Я пришёл помочь. — Развернул руки ладонями вверх и оставил их на коленях.

— Под окном? — Бык сощурился на окно и приподнялся со стула.

— Там машина. Белая «Волга». Номер начинается с «А». Они ждут сигнала. Но я его не дам. — Удержал его взгляд на себе, подняв ладонь между ним и окном.

Свою «Волгу» я оставил во дворе, а Щербакова — у Гридасова. Врать о милиции было скверно, зато Рома наконец перестал следить за моим карманом и повернулся к окну. Я удержал его разговором. Проверит номер машины сейчас, и придётся объясняться ещё за эту выдумку; лучше добраться до Дёминоного платежа.

— Зачем тебе это? — Бык опустил обратно и оттянул ворот рубахи от шеи.

— Затем, что ты сам должен захотеть сказать правду. Пока считаешь эти бумажки, от каждого шороха дёргаешься. Рома, хватит уже себя продавать. — Разжал ладони и отодвинул руку от миски.

— Ты знаешь, откуда эти деньги? — Подвинул миску из-под тени и показал на лежавшие сверху сотни.

— А откуда же ещё? — Бык посмотрел на деньги, как будто увидел их впервые.

— Из фонда Дёмина, — я подвинул к нему миску и упёр палец в край. — Конторы, которой официально больше нет. Она обнулена протоколом двадцать третьим. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ты браконьерствуешь на территории, которую уже сдали государству. Каждый рубль, который ты держишь в руках, — это улика против тебя самого. Если ты придёшь в суд и солжёшь, как планировал, эти деньги станут доказательством подкупа свидетеля. Статья тяжкая. И никто, ни Дёмин, ни его московские связи, не сможет вытащить тебя оттуда. Потому что Дёмину самому скоро станет не до смеха.

— Ты врешь. — Бык провёл ладонью по лбу и потянулся к трубке, оставив деньги открытыми.

— Проверь. Позвони ему. Прямо сейчас. Спроси, почему платёж прошёл со счета двоюродного брата, который числится в списке должников налоговой инспекции. — Повернул аппарат к нему и освободил провод из-под ножки стула.

Фамилию двоюродного брата Зоя сверила перед моим возвращением. Она совпала с получателем консультационных услуг; сумма тоже сошлась. Рома ещё мог спорить о том, за что ему платили, но номер счёта лежал в банковской выписке. Он посмотрел на телефон, затем снова на меня.

— Алло? Дёмин?.. Да, это я... Нет, всё нормально... Просто уточнить... — Бык набрал номер и притянул аппарат ближе, натянув старый провод.

— ...Что значит «не звони»? Ты сказал, вопрос решён!.. Какие счета?!.. Я не дурак!.. — Бык вжал трубку в ухо и пригнулся над столом, перекрывая мне обзор аппарата.

— Он послал меня. Сказал, чтобы я не светился. Что если всплывёт, он сам меня закопает. — Он швырнул трубку на рычаг; та отскочила и повисла на проводе.

— Добро пожаловать в реальность. Здесь нет «понятий», Рома. Есть закон и есть последствия. Дёмин использовал тебя. Как использовал многих других. Но у него остались контакты, связи, адвокаты. У тебя есть только эти деньги и страх. Страх, который парализует. — Подхватил качавшуюся трубку и вернул её на рычаг.

— Я пойду, подумай пока сам. — Отодвинул стул, придерживая край стола от толчка.

Бык поднял за мной голову. Я уже отодвинул стул к стене, а он всё ждал, задержав ладонь над порванной сотней. Пришлось обойти его боком к двери; он следил за каждым шагом.

— Ты куда теперь собрался? — Он подался вперёд и оттолкнул от себя миску с деньгами.

— Домой. Скоро заседание. Римма, универмаг, весь пул будут там. Тебя тоже могут вызвать. Официально. По повестке. — Застегнул куртку и выправил ворот, подвернувшийся под подбородок.

— Повестка? Кто присылает повестки таким, как я? — Бык скривился и протёр вспотевшую ладонь о колено.

Я подошёл к подоконнику. На нём лежала старая книга в потертом переплете и стакан с недопитым чаем. Рядом с книгой положил листок бумаги. На нём Зоя Ермолаевна своим аккуратным почерком написала номер телефона её домашнего аппарата. Перед отъездом она велела передать: пусть звонит в любое время.

— Суд. Обларбитраж. Повестка придёт официально, — я постучал по оставленному номеру и убрал руки от подоконника. — Там надо рассказать только то, что ты видел сам.

— А если я не возьму трубку? — Бык потянулся к бумажке и задержал палец на её краю.

— Тогда в зале ты будешь стоять там, где стоишь сейчас. Только публика увидит в тебе лжеца. И за следующий конверт станешь отвечать так же, как за этот. — Развернулся и пошёл к двери. Рука легла на холодную ручку.

— Даня, стой, я ещё спрошу! — Бык подался следом, оттолкнув стул коленями.

— Почему ты не сломал мне руку? Или ногу? Чтобы не мог уйти? Раньше бы сделал. — Бык выпрямился на стуле и посмотрел мне в лицо.

— Со сломанной рукой ты мне в суде что покажешь, Рома? — Отпустил дверную ручку и повернулся к нему. — Меня самого посадить попросишь, будешь совершенно прав. Мне нужны твои показания. Уже написал, теперь повтори их сам. Утром за тобой приедут, если позвонишь.

Открыл дверь и вышел в подъезд. Запах линолеума и вареной капусты ударил в нос, но после комнатной вони показался свежим.

Я спустился во двор и сел в машину. Ключ оставил в ладони, наблюдая за освещённым окном второго этажа. Рома ходил по комнате: голова мелькала за рамой, пропадала и появлялась снова. Потом он остановился возле стола. Я поёрзал на холодном сиденье и расстегнул ворот, в который кололо щетиной.

За четверть часа сиденье совсем выстыло. Я прижал колени друг к другу, сунул свободную руку под мышку и продолжил смотреть вверх. Архивная копия спорного договора у нас была, но эксперту понадобится время. Если Рома подтвердит, кто готовил подложный лист, Дёмину придётся отвечать на первом заседании. Я снова посмотрел на часы. Хоть бы взял этот номер.

Рома приблизился к подоконнику. Я подался вперёд, следя за его рукой: он поднял оставленный листок к лицу, прочёл и опустил за раму. Когда свет погас, мне оставалось гадать, унесёт ли он номер к телефону или бросит среди денег. Я потёр озябшие пальцы, наконец вставил ключ в замок и запустил мотор.

Машина встряхнулась, глухо отозвавшись под капотом. В зеркале заднего вида двор остался позади, погружаясь в сон. Я выехал на дорогу, направляясь к дому, где меня ждали Анна, горячий чай и тетрадь с именами.

Дома я сразу позвонил Зое. Она уже поговорила с Быком: Рома сам набрал оставленный номер, назвал сумму и согласился дать показания. Щербакову она передала, что за свидетелем нужно приехать до рассвета.

Прижал ладонь к трубке, пока Зоя повторяла его слова, и опёрся лбом о кухонный шкаф. Позвонил всё-таки сам. Очень хотелось немедленно разбудить Гену и заставить ехать за Ромой сейчас же. Зоя опередила меня: майору сообщили, машину приготовят к рассвету.

Аня поставила рядом чай и потянула меня за рукав к табурету. Я сел, обхватил чашку и только тогда заметил, что пальцы всё ещё ледяные. До утра нужно было хотя бы немного поспать. На стол я положил блокнот с вопросами Роме, накрыл его повесткой и попросил Аню разбудить меня с первым звонком.

Ким Соловейчик устроился напротив меня и крутил карандаш за отгрызенный кончик. Из областной газеты он привёз редакторский азарт и совершенно пустой блокнот. Кузя полчаса держал его в коридоре, расспрашивал, от кого пришёл, потом наконец впустил и остался у

двери. Теперь при каждом повороте карандаша он шурился: видно, никак не мог решить, с какой стороны журналист полезет нам в карман.

— Мне нужна история, Данила Павлович. Не благодарность за кофе, не фотография с подписью «лучший кооператор района», а грязная, сочная правда о том, как частник разорвал глотку юристам бумагой. У меня дедлайн через три часа, а у тебя в руках иск на миллионы, который ты даже не читал до конца. — Соловейчик остановил карандаш и наставил его на папку с иском.

На столе лежали копия иска Вадика с подписью Дёмина, протокол №14 и банковская выписка. Зоя за две ночи собрала к ним заверенные приложения, добыла архивную копию договора и сама проверила номера. Соловейчик пытался подтянуть выписку к блокноту; я придержал край.

— Ты хочешь сенсацию, Ким? «Грач против Закона»? «Частник крадёт деньги у честных юристов»? Если ты напишешь это, завтра же прокуратура пришлёт запрос в мой офис. А послезавтра твой редактор получит письмо из области о том, что газета печатает клевету на действующих предпринимателей. Тебя выгонят раньше, чем ты успеешь написать точку. — Откинулся в кресле и сдвинул копию иска от локтя журналиста.

— Тогда что ты предлагаешь взамен? Тишину? Я не пишу тишину, Грач. Пишу шум. Но если ты скажешь, где зарыт настоящий скандал, я найду его сам. — Соловейчик прижал карандашом исписанный уголок блокнота и подался ко мне.

— Скандал не там, где ты ищешь. Скандал здесь. Иди туда, где больно им, а не мне. Поехали. — Придвинул к нему иск и раскрыл его на подписи Дёмина.

Кузя хмыкнул и направился к выходу. Мы вышли из конторы. На улице мело: январь давил серостью и ветром, снег ложился на крыльцо универмага толстыми слоями. Я посадил Соловейчика в свою «Волгу» — ту самую, предоставленную Лабазовым, которая несла на бортах следы недавней поездки на базу. Журналист оглядел салон с интересом эксперта.

— Кожа новая. Пахнет бензином и деньгами. — Соловейчик провёл ладонью по сиденью и принялся.

— Пахнет работой. Пристегнись. — Потянул к себе водительскую дверь и освободил ремень из-под пальто.

Сначала мы заехали в бухгалтерию пула к Зое. Она уже подготовила документы по нашим точкам. Я попросил показать Соловейчику платежи и договоры управления: пусть пройдет по цепочке сам, прежде чем сочинять заголовок.

Зоя Ермолаевна встретила нас холодным взглядом поверх очков. На столе перед ней лежали стопки накладных, чеков, договоров.

— Это ваши контракты с Риммой? — Соловейчик потянулся к папке и подцепил верхний угол.

— Нет. Это договоры управления. Вы видите дату? Январь девяносто четвёртого. А теперь посмотрите на эту бумагу. Договор аренды склада, подписанный в восемьдесят восьмом году. Подпись Вадика Лисовского. — Зоя перехватила его за запястье и разложила документы по датам.

— Разница в нажиме пера видна невооруженным глазом. Здесь торопливость, здесь уверенность. Это разные люди писали? Или один человек в разных состояниях? — Журналист взял лист, поднес к свету. Его глаза сузились.

— По одному нажиму автора не определишь. Тут важнее дата: архивный экземпляр составлен в восемьдесят девятом, а в иске тот же текст отнесён к восемьдесят восьмому. Вопросы к подписям мы отдаём эксперту. — Сложил листы обратно и придавил их обложкой.

Мы проехали три точки. На каждой Соловейчик задавал вопросы, записывал имена, сравнивал подписи. Он спрашивал только о деле: «Где печать? Кто свидетель? Какова сумма платежа?». И каждый ответ добавлял веса той гранке, которую он собирался писать.

На четвёртой точке, у ворот овощехранилища, нас перехватил Щербаков. Гена выглядел мрачным, шапка надвинута на уши, ветер трепал полы куртки.

— Данила Павлович. Есть новости по Быку. Тот самый свидетель, которого Дёмин хочет привести в суд. Гридасов его забрал из комнаты. Конверт и деньги описали при нём. Теперь до суда Рома будет у людей майора. — Щербаков отвёл меня к воротам и заслонил от журналиста плечом.

— Вместе с деньгами? А Дёмин уже хватился? — Отвёл его за локоть на пару шагов и загородил от журналиста спиной.

Щербаков оглянулся на машину.

— Хватился. Бугай видел его машину у прежнего адреса. Пусть ищет: у тёти Веры пусто, — Гена поправил воротник и оглянулся на журналиста.

— Деньги чьи? — Придержал его за рукав и приблизился к самому уху.

— Те самые, которые прошли по счёту брата Быка. Конверт. Дёмин заплатил за молчание, но молчать не получается. Страх перевешивает купюры. — Щербаков наклонился ближе, заслоняя рот воротником от ветра.

— Что-то срывается? — Соловейчик прекратил перебирать записи и выглянул из машины.

— Ничего не срывается, Ким. Всё идёт по плану. Просто план стал немного... живее. Едем дальше. — Открыл водительскую дверцу и стряхнул с её кромки снег.

Я уже собирался сесть за руль, когда из сторожки выглянул Бугай. Света Фомична дозволилась на склад и требовала меня к аппарату. Пришлось оставить дверь машины открытой и вернуться под навес. Из трубки доносился звон посуды, а за ним Прохорово возмущённое ворчание.

— Даня. Ты нужен дома. Срочно. Прохор Ильич отказывается садиться за стол с майором Костиным. Говорит, это унижение. А Гиря говорит, если папа не придёт, он тоже не придёт. А я говорю, что если никто не придёт, свадьбу отменяю и все идут лесом. Ты можешь разрешить этот узел? — Света заговорила сквозь звон посуды, перекрывая чей-то возмущённый возглас на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.